Д.Н. МУЗРАЕВА
(Элиста)

МОЛИТВЕННЫЕ СБОРНИКИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ БУДДИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КАЛМЫКОВ (ранние памятники калмыцкого кириллического письма)

Раскрывается значение получивших у калмыков в XX в. письменную фиксацию на кириллице памятников буддийской литературы как важного компонента письменно-литературной традиции монгольских народов.

Ключевые слова: *буддизм, рукописи, литература, канон, тибетские, ойратские сочинения.*

Из многочисленных памятников буддийской литературы на тибетском, старописьменном монгольском и ойратском языках, имевших хождение в среде калмыцких буддийских священнослужителей и верующих мирян, к началу XXI в. сохранилась и даже в определенной мере продолжает функционировать особая ее разновидность, получившая в XX в. письменную фиксацию на кириллическом письме. Эти письменные источники до настоящего времени не привлекали внимания исследователей, что вызвано целым рядом причин. Во-первых, буддийские тексты на кириллице представляют собой самый поздний этап бытования письменной буддийской литературной традиции, поэтому они как бы максимально удалены от оригиналов и наиболее ранних переводов. Во-вторых, оригинальные сочинения буддийской тематики на кириллице по своему содержанию достаточно далеко, на первый взгляд, отстоят от репертуара канонических буддийских текстов, в силу чего представляют меньший интерес для буддологов, сосредоточивающих свое внимание на классических образцах сочинений. В-третьих, вероятно, играет свою роль установка на то, что калмыцкая кириллица по обстоятельствам своего появления осознается как чисто светское письмо, в характеристике которого прецедент его использования для сочинения и переписывания религиозных сочинений не должен обозначаться никаким образом. Наконец, в-четвертых, период появления и распространения (пусть и ограниченного) кириллографичных буддийских текстов совпадает со временем борьбы с разнообразными религиозными пережитками, проходившей в разных формах – от уничтожения культовых предметов и репрессий в отношении лам и гелюнгов до законодательного ограничения распространения любых форм буддийской культуры в среде этносов, традиционно исповедующих буддизм. Следовательно, проникновение кириллического письма в среду религиозных текстов осознается как нечто во многих отношениях вторичное в письменной культуре и литературе калмыков.

Несмотря на позиции отдельных исследователей, считающих, что подобные тексты не имеют отношения к ойратской буддийской литературе (а по этой логике, и к письменному наследию ойратского просветителя Заяпандиты Намкай Джамцо (1599–1662)), мы попытались проанализировать образцы подобных сборников, составить представление о них. В решении целого ряда вопросов относительно мотивов выбора формы письма для записи и размножения религиозных текстов (при наличии такого выбора), установления их состава, тематики отдельных сочинений, включенных в подобные сборники, весьма существенным стало привлечение данных археографии, палеографии и текстологии.

Среди сборников калмыцких религиозных текстов на кириллице, рассматриваемых в данной работе, можно указать следующие: рукописный сборник, обнаруженный в библиотеке Бага-Чоносовского хурула (буддийского храма) поселка Бага-Чонос Целинного района Республики Калмыкия в ходе комплексной экспедиции 2006 г., а также рукописный сборник из коллекции известного буддийского священнослужителя Калмыкии Тугмюд-гавджи (1887–1980) (в миру – О.М. Дорджиева), которая хранится в настоящее время у его родственников. Помимо этого, были изучены тексты молитв, изданные в 1990-е гг. Н.М. Дандыровой [10] и В.П. Дарбаковой [8].

Буддийские тексты, записанные не в традиционной графике на ойратском «ясном письме» («тодо бичиг»), а на кириллице (причем, что немаловажно, на той ее разновидности, которая использовалась в ходе реформирования графики и орфографии современного литературного калмыцкого языка), являются еще одной примечательной страницей письменной культуры калмыков XX в. Ярким образцом подобных текстов выступает рукописный сборник из собрания Бага-Чоносовского

© Музраева Д.Н., 2011

хурула. Как показал текстологический анализ, он включает такие известные буддийские сочинения, как «Предсказание о будущем, именуемое “Очищающая лампада”» (тиб. *Ma-’ongs lung-bstan bsal-byed sgron-me zhes bya-ba*; зд. калм. *Цухуг деде гурвнд мөргмү*), хорошо известное также под кратким названием *Ma-’ongs lung-bstan* [2; 7, л.1а: 16б], «Сутра, усмиряющая землю и воду» (или «Сутра Белого Старца») (калм. *Газр усни номгодхин дарулгн чидегчи нертä судур*) [7, л. 16б – 21б], «Наставления Джебцзун Дамба хутугты» (калм. *Арвн орн багд дживзн дамба ламан гегän зärлгин бичиг*) (Там же, л. 21б–39а) и «Сутра, устраняющая путы [деяний] тела, речи и мысли» (калм. *Бийе келен сетклин күлäсни ärлегчи судур*) (Там же, л. 39б–45б). Характерной особенностью графики данного списка является использование таких знаков, как *ä*, *ö*, *ü*, *гъ*, *нъ*, *дж*, вошедших в кириллический алфавит калмыцкого языка в Калмыкии в начале 1938 г., когда вместо латиницы калмыки, как и многие народы СССР, стали пользоваться кириллицей. Эти знаки использовались в калмыцком письме до мая 1958 г., когда было принято решение заменить их на *ә*, *ө*, *ү*, *һ*, *җ*, *ң* соответственно [3, с. 17]. На основании сказанного можно предположить, что рассматриваемый список был выполнен во временном промежутке между 1938-м и 1958 г.

Текстологический и тематический анализ данного рукописного сборника показал, что в первом из включенных в него сочинений, не имеющем титула, представлены слова пророчества Будды о грядущем времени, а главенствующей является мысль о необходимости следовать Учению Будды, которая проходит через все произведение. В этом сочинении циклически повторяется мотив проповеди Будды своим ближайшим ученикам и последователям, мысль о необходимости выказывать почтение его Учению, а также описание тех благ, которые станут следствием такого почитания. Наставления Будды обращены не только к людям, но и к божественным персонам, среди которых упоминаются бодхисаттва Авалокитешвара, Будда Майтрея, тенгрии-небожители, а также к другим разрядам живых существ согласно буддийской космологии. Все они с радостью внимают пророчеству Будды и возносят ему хвалу. Несмотря на то, что в данном тексте часто повторяется слово «ном» (тиб. *chos* «дхарма; учение Будды»), дхарма представлена здесь не в развернутой, а сжатой форме, излагаются лишь основополагающие моменты: десять черных и белых деяний, закон воздаяния за грехи, учение о перерождениях, шести видах живых существ, представления о вселенной и окружающем мире согласно буддийской космологии и др.

Ценным источником изучения буддийских текстов, по которым верующие проводили молебны в середине и второй половине XX в., являются рукописные молитвенники из личной коллекции Тугмюд-гавджи, хранившиеся у его племянницы Ц.-Х. М. Деликовой [9; 12]. Первый из сборников включает текст сочинения «Пророчество Джебцзун Дамба хутугты» (калм. *Богдо Дживзун дамбин ламин хутуг түни гегяна зәрлигин бичиг оршәва*), «Моление двадцати одной Таре» (калм. *21 дәркин мөргүль*), текст против злословия «Хар келн», «Тарни (заклинательные тексты) Тары» (калм. *Дәркин тәрнь*), тарни других божеств буддийского пантеона (Будды Шакьямуни, бодхисаттв Авалокитешвары, Манджушри и др.). Помимо них, в этот сборник включены список и копия «Сутры Белого Старца» (зд. калм. *Цаһан Авһатна судур*), а также «Письмо двадцати одной Тары» (калм. *Хөрён негн дәркин бичиг*). Несмотря на то, что в заглавиях указанных текстов (и в самих текстах) встречаются ошибочные написания (мы пока не можем определить причин отступлений от графики), они касаются большей частью представления текста, но ни в коей мере не затрагивают сути Учения.

Тексты исследуемых сборников дают интереснейший материал для исследователей истории становления письменного наследия калмыков, связанного с буддизмом. Так, сочинение «Пророчество Джебцзун Дамба хутугты», представленное в обоих из указанных выше сборников, тем самым подтверждает свою популярность в среде верующих. Относительно графики текста из рукописного молитвенника Ц.-Х.М. Деликовой можно заметить: очевидно, текст претерпел вторичную (повторную) переписку (переложение), скорее всего с первоначальной разновидности кириллицы, но, возможно, и с латиницы. Ряд ошибочных написаний связан с тем, что многие слова, присутствующие в текстах, устарели, вышли из употребления, редко попадались на глаза пишущему и еще реже использовались в письменной практике. Другие изменения в написании связаны с тем, что более поздний переписчик не смог понять почерк своего предшественника и, к примеру, записал *бичигиче* (вм. *бичигиге*) [6, л. 5б: 10]. В этом же тексте в написание слова *агью* также закралась ошибка. На то, что переписчик сомневался в пра-

вильности графического облика этого слова, указывает буква *ч*, написанная над буквой *г* [6, л. 5б: 12]. Скорее всего, в первоисточнике данное слово имело написание *агъу* в соответствии с правилами 1938 г., чему в современном калмыцком языке соответствует *аһу* («чрезвычайно, чрезмерно; пространный, обширный»). Оба текста пророчества восходят к одному и тому же первоисточнику – ойратскому тексту «Наставления Джебцзун Дамба хутугты» (ойр. *Boqdo jibzun damba xutuqtuyin gegēni zarligiyin bičiq orošiboi*), изданному в начале XX в. в Санкт-Петербурге.

Еще одна страница истории бытования буддийских молитв на кириллице связана с последователями общины «Мацгта». Образцы этих молитв стали доступны благодаря стараниям ученых (в начале 1990-х гг. Э.П. Бакаева осуществила аудиозапись молитвенных текстов в исполнении членов общины и переложила их на кириллицу) [11] и членов самой общины (в конце 1990-х гг. тексты этой традиции были опубликованы Н.М. Дандыровой) [10]. По сведениям, приводимым Э. Бакаевой, данная буддийская община была создана после возвращения калмыков из сибирской ссылки (1943–1957 гг.), ее последователи из числа мирян, принявших пять первоначальных обетов, проводят молебны в дни поста – в 8, 15 и 30-й дни лунного месяца [1, с. 14, 24–25]. Тексты молитв, исполняемых в эти дни, представляют собой свод молитв, которым буддийский монах К.Б. Бадаков, служивший иконописцем при Эркетеневском хуруле (станица Эркетеневская Сальского округа), обучил свою двоюродную сестру Э.Б. Васькину [10, с. 4]. Ей удалось сохранить их в памяти в той форме, в которой он их преподал.

Тексты, имевшие хождение в среде последователей общины «Мацгта», получили письменную фиксацию в современной ныне действующей калмыцкой графике. При этом кириллица используется в этих записях для передачи как тибетских, так и ойратских молитв. То, что в них наблюдаются неминуемые искажения, явилось следствием незнания верующими классического тибетского и ойратского языков. Именно по этой причине исходные тексты получали замысловатую фонетическую форму (запись), в результате некоторые тибетские слова по созвучию уподоблялись словам или словосочетаниям калмыцкого языка. Например, словосочетание *Җаңһрин зе* (букв. «внук, племянник Джангара») на самом деле не что иное, как искаженное тиб. *spyan ras gzigs* («Смотрящий проникающим взором», эпитет бодхисаттвы Авалокитешвары) [5, с. 281].

Содержательный анализ текстов традиции «Мацгта» показал, что в этот свод молитв входят сочинения разных жанров. Среди них мантры и тарни различных персонажей буддийского пантеона: Майтрейи (80)*, Амитаюса (81), Белой Тары (84), Зеленой Тары (85), Падмасамбхавы (89) и др. Помимо этого здесь представлены тексты, призванные предотвращать различные неблагоприятные моменты в повседневной жизни верующего: при возжигании лампады (50), перебирании четок во время рецитации молитв (66), во время трапезы (67) и т.п. Среди известных буддийских текстов можно назвать фрагменты сочинений «Речения 100 будд» (70), «1000 будд хорошей калпы» (58) и др.

Некоторые из представленных текстов нам удалось реконструировать. В качестве примера приведем фрагмент молитвы «Обращения к Прибежищу и Порождение Бодхичитты», имеющий заглавие «Гончк сумла» (11) от тиб. *dkon mchog gsum la* («трем наивысшим драгоценностям»), что является началом текста.

Оригинал

ГОНЧК СУМЛА
ГОНЧК СУМЛА ДАГҖУРҖЕ ДИГБӘ ТАМҖД СОСРШГ
ӨРВГ ГЕЛЬ ҖИВРНИ САНГҖИ ИҖИ ИҖҮЛСН САНГҖ
ЧОДНГ ЦАКЦАЛО
ҖАНЧК БАРДУ ДАГҖУРҖЕ РАШИН ДАГНИ
РАВҖОРҖ ҖИНЧК СИМҖЯН
СИМҖЯН ЛИҖИ-НЕ СИМҖАН ТАМҖД ДЯГИ РАВДУ-
НЕ
ЯНЧК ИҖИ ЙОВН ДҖОДБРҖ РОЛАН ПАНЧР СОНГҖ
РУВОРШОГ [3 раза] [10, текст 11, с. 4].

Реконструкция тибетского текста

dKon mchog gsum la
dKon mchog gsum la bdag skyabs mchi/
sdig pa thams cad so sor bshags/
’gro ba’i dge la rjes yi rang/
sangs-rgyas byang chub yid kyis gzung/
byang chub bar du bdag skyabs mchi/
rang gzhan don ni rab sgrub phyir/
byang chub sems ni bskyed par bgyi/
byang chub mchog gi sems ni bskyed bgyis nas/
sems can thams cad bdag gi mgron du gnyer/
byang chub spyod mchog yid ’ong spyad par bgyi/
’gro la phan phyir sangs rgyas ’grub par shog/

* Здесь и далее в скобках приводится номер текста согласно материалам Э.П. Бакаевой, которой автор выражает большую признательность за их предоставление.

Перевод

Я обращаюсь к Прибежищу – Трем Драгоценностям,
каюсь в каждом из всех [совершенных] поступков,
сорадуюсь добродетели живых существ,
держусь умом Будда-Бодхи.
Я до самого пробуждения обращаюсь к Прибежищу
в Будде, Дхарме и Высшем Собрании,
ради достижения блага для себя и других,
совершаю порождение Бодхичитты.
Развив сознание превосходного Бодхи,
я буду заботиться обо всех живых существах
и следовать великолепной практике Бодхисаттв.
Пусть стану Буддой на благо всем скитальцам! [трижды] (цит. по [13, с. 27–28]).

Практика использования алфавита родного языка для обозначения произношения иноязычных текстов (в нашем случае – буддийских молитвенных текстов) известна давно. Это самый старый способ транскрипции, характерный для лексикографических пособий, кратких или учебных словарей, т.е. для записи и публикаций материалов, рассчитанных на лиц с минимальной филологической подготовкой. В настоящее время подобный способ транскрибирования особенно часто используется в разговорниках, читатели которых не столько изучают иностранный язык, сколько заучивают отдельные слова или готовые предложения. В этой связи все выявленные материалы представляют большой интерес с точки зрения установления репертуара, тематики молитвенных текстов, получивших письменную фиксацию на кириллице, исследования их лексического состава, особенностей произношения молитвенных формул в калмыцком языке.

Приведенный выше пример с эпитетом бодхисаттвы Авалокитешвары демонстрирует то, как калмыцкие буддисты делали попытки преодолеть сложности тибетской графики и орфографии, которые, даже при условии их знания, не дают полной информации о нормах чтения и произношения слов. Правильному чтению (произношению) тибетских слов (слогов) могут препятствовать орфографические синонимия и омонимия, орфографические исключения, специфические написания, в которых не читаются отдельные согласные и т.п. Следует учитывать и то, что произношение тибетских слов в калмыцком языке отличается от произношения тех же слов в монгольском языке; к тому же молитвы описываемой традиции произносились нараспев, под одну из установленных мелодий. Более того, возможно, что различные говоры калмыцкого языка также накладывали отпечаток на озвучивание текстов.

Таким образом, обнаружение в коллекциях Калмыкии рукописных молитвенных сборников на кириллице свидетельствует о том, что в XX в. священные буддийские тексты бытовали в среде верующих калмыков не только на тибетском и ойратском языках или в переложении на графику современного калмыцкого языка, но и в записи на одной из разновидностей кириллицы, применявшейся в процессе развития письменной формы калмыцкого языка. Проанализировав состав, содержание, тематику отдельных сочинений, включенных в молитвенные сборники, мы можем заключить, что благодаря такой специфической форме буддийская традиция, несмотря на политику атеизма, сохранялась образованными калмыками на протяжении всего XX в. Способ фиксации на современной графике не только ойратских, но и тибетских текстов, с одной стороны, способствовал их сохранности, трансляции новым поколениям верующих, с другой – служил своего рода оберегом, и речь здесь не только о самих сочинениях религиозного содержания, но и о судьбах верующих. Не стоит удивляться использованию для записи религиозных текстов того варианта кириллицы, который на момент ее употребления уже устарел. Массовое распространение грамотности, письма на родном языке, в том числе с применением латиницы (и позднее кириллицы), оставило значительно более глубокие следы в культуре калмыцкого народа, нежели конъюнктурные графико-орфографические инновации, за которыми явно не успевали пользователи старшего возраста, т.е. те, кто хранил, переписывал и читал сборники религиозных текстов. Кроме того, использование кириллицы для записи буддийских текстов способствовало передаче навыков чтения этих текстов при невозможности изучения «ясного письма» молодыми калмыками в период депортации.

Полевые исследования ученых Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, проводившиеся в последнее десятилетие, подтверждают статус подобных текстов как сакральных, почитаемых не только самими обладателями этих списков, т.е. отдельной семьей или родом, но и теми, кому они передаются на время для рецитации, совершения определенных ритуальных обрядов. Примером этому может послужить

текст «Наставлений Джебцзун Дамба хутугты» в ойратской графике и в переложении на кириллицу, который хранится в семье Н. (К.) Утиевой из поселка Шин-Мер Кетченеровского района [4].

Несмотря на кажущуюся отдаленность подобных сборников от всего корпуса буддийской литературы, данные текстологического и содержательного анализа свидетельствуют об их статусе сочинений на буддийскую тематику. Описание этой страницы истории письменной традиции калмыков, как и других монгольских народов, внесет заметный вклад в освещение литературного процесса XX в.

Литература

1. Бакаева Э.П. Легенда об Уурхан санг бурхане: к проблеме этнической специфики калмыцкого буддизма // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О.М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста, 2008.
2. Музраева Д.Н. К проблеме идентификации безымянной рукописи на кириллице из коллекции Бага-Чоносовского хурула // Научная мысль Кавказа. 2008. №4. Ч. 2 (57). С. 14–18.
3. Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1975.
4. Полевые материалы автора (2006 г.).
5. Рерих Ю.Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. М., 1985. Вып. V.
6. Рукописный молитвенник на кириллице из личной коллекции Тугмюд-гавджи, хранящейся у родственников. 1 общ. тетр. Л. 5б:10.
7. Рукопись на кириллице из Коллекции Бага-Чоносовского хурула, 24–9 (5). Л. 1а:1–16б.
8. Әәлдхл. Предсказание / науч. обр. и подготовка к изд. канд. ист. наук В.П. Дарбаковой. Элиста, 1995.
9. Джинджӱ маһу чӱндӱһäр. Рукописный молитвенник на кириллице из личной коллекции Тугмюд-гавджи, хранящейся у родственников. 1 общ. тетр., 45 л.; 1 тетр., 6 л.; 1 тетр., 7 л.; 3 рукоп., 6+6+11 л.
10. Ик дүүцң мацгин мөргүлин ном (Калмыцкие молитвы) / сост. Дандырова Н.М. Элиста, 1999.
11. Манин эклц. Тексты 1–94. Машинописный текст из личной коллекции Э.П. Бакаевой.
12. Питр хотл балгсн. 1916 ж. Амулнг Нирваниг олад. Рукописный молитвенник на кириллице из личной коллекции Тугмюд-гавджи, хранящейся у родственников. 1 зап. кн., 31 л., 14х10 см.
13. Bla ma lha'i rnal 'byor sogs rgyun 'khyer nyams bzhed zhal 'don mdor bsdus khag skad gnyis shan sbyar bzhugs so («Тексты для ежедневных практик») / сост. Т. Гонпо, Т. Чойзин; ред. Д. Моренков, А. Нариньяни. М., 2004. С. 27–28.

Prayer books (early monuments of Kalmyk Cyrillic writing) as a source of Buddhist literature and Kalmyk writing culture study

There is revealed the meaning of monuments of Buddhist literature, fixed in the Cyrillic alphabet, as the important component of the writing and literature tradition of the Mongolian.

Key words: *Buddhism, manuscripts, literature, canon, Tibetan, Oyrat works.*

Н.П. КРОХИНА
(Шуя)

О СОФИЙНОМ МИРООЩУЩЕНИИ В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО*

Рассматриваются христианский космизм и апокалиптическое христианство Ф.М. Достоевского, актуальные для художественного и философского сознания Серебряного века, софийное мироощущение, противостоящее катастрофической реальности.

Ключевые слова: *софийная основа мира, софийное мироощущение, христианский космизм, апокалиптическое христианство.*

Метафизическая глубина творчества Ф.М. Достоевского была раскрыта русской философской критикой Серебряного века, поколением рубежа XIX–XX вв., чьим духовным учителем был писатель. «Он был человеком нашей катастрофической эпохи, – писал К. Мочульский. – Но богооставленность не последнее слово творчества Достоевского; он изображал “темную ночь”, но предчувствовал рассвет. Он верил, что трагедия истории завершится преображением мира» [9, с. 549] – новым богооткровением. Блудный сын возвратится в отчий дом.

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009 – 2013 гг.).

© Крохина Н.П., 2011